

Когда я, наконец, покинул поместье маркиза, небо уже окрасилось в красный цвет, а лучи заката обрамляли его. Солнце ещё светило в зените, когда я пришёл сюда. Я взглянул вверх и тихо вздохнул.— Мне надо будет проделать много работы. Жаль, что я потратил время впустую. Встреча оказалась короткой, а ожидание Леонифа и остальных затянулось. Я ждал слишком долго, чтобы услышать что-то бесполезное. Так хотелось поскорее отправиться в деревню Йоркбен, но меня что-то сдерживало.— Необходимо вернуться в особняк герцога и завершить свои дела. Я медленно двигался под багровым небом. Когда закат скрылся за высокими крепостными стенами, флаги Актейла и воинов начали загораться один за другим. Люди вокруг ускорили шаг — это был последний день фестиваля Актейла, и в торговом районе царила суeta, однако площадь, по которой я шёл, была почти пустой. Остались лишь следы праздника: пустая сцена, цветы и флаги, украшающие улицы. Я ускорил шаг, не обращая внимания на окружающее, сосредоточенный на мыслях о том, что нужно завершить.— Но всё-таки я закончил всё, что нужно было сделать за пределами особняка, так что послезавтра буду дома. Как поживает тётя Перси? А тётя Мардж? Она всегда приносила мне еду. Хотелось увидеть и дядю Билла. Как там маленький Айзек? Уверен, что он вырастет выше меня к нашей следующей встрече. И что насчёт Адель? Она мечтала приехать в столицу, но я так и не смог её привезти. Каждым шагом я вспоминал о жителях деревни, которые любили меня и мою бабушку. Как же они радовались, когда я уехал в столицу.— Молодец, ты истинный воин. Воины оставались в деревне долго, и правду сложно было скрыть от её жителей. Поэтому в тот день, когда я уезжал в столицу с бабушкой, все провожали нас. Они называли меня героем и искренне поздравляли. Адель, всегда следовавшая за мной, со слезами на глазах протягивала цветы и венок. Она собрала несколько полевых цветов и вручила мне так, как я поступил в первый день, когда воины пришли в деревню. Глядя на её окрашенные травой пальцы, я заметила, как тщательно она сплела венок.— Сестра Корнелия, я буду слишком сильно скучать по тебе... Но я не мог сказать Адель правду, хотя все вокруг улыбались и утверждали, что всё будет хорошо.— Нгх, я вернусь! Вместо этого я просто улыбнулся. Это всё, что мог сделать.— Оо? Пьяница вернул меня к настоящему, когда я углубилась в воспоминания о деревенских жителях. Мужчина грубо указал на меня и, покачиваясь, подошёл ближе. Только когда он приблизился, я узнала его — это был Саймон, один из тех, кто когда-то смеялся надо мной в храме. Я прищурилась, вспомнив неприятные моменты из прошлого. Сколько же он выпил с тех пор? Запах алкоголя ударил мне в нос, когда он приблизился. Не преувеличение сказать, что вместо того, чтобы просто пить, он как будто свалился в бочку с ликёром.— Ты настоящий простолудин, не так ли? Я нахмурилась от его грубости и сделала шаг назад, но он схватил меня за запястье.— Не уходи, поговори со мной. Как тебе удалось подружиться с герцогом Асторфом? Секрет — расскажи мне. Он смотрел на меня с ухмылкой, в глазах его была явная насмешка.— Ах, Асторф известен своим высокомерием. Я тоже потерпел неудачу...— О, так это ты пытался подойти к герцогу и потерпел неудачу. Герцог Асторф почти не общался с другими семьями, и даже другие дворяне замечали это. Я, появившаяся из ниоткуда, была его слабостью — пятно на его безупречной репутации. Ситуация, которую они хотели использовать, чтобы его унижить.— Вот почему на меня стали указывать ещё больше. Я почувствовала, как у меня задрожали веки и прикусила губу.— Ага, ты плачешь? Посмотрим, как плачет благородный простолудин. Я не ответила, и он усмехнулся, наклонившись ко мне. Затем он протянул свою толстую руку, стремясь снять с меня вуаль.— Давайте взглянем на лицо, которое соблазнило герцога! В тот момент, когда его рука коснулась вуали, я изо всех сил ударила его по щеке. Раздался резкий звук, и мужчина резко отшатнулся. Я вытерла слёзы и пнула его в голень. Крик мужчины, когда он упал и покатился по земле, напомнил мне звук, который издают свиньи на фестивале в Йоркбене.— Думаю, он не ожидал, что я так восстану. Скорее, он знал, что победит в любом случае. Но пьяного мужчину, застигнутого врасплох благодаря моим навыкам самообороны, было несложно одолеть.— Если я скажу людям, нет! Если я расскажу об этом в особняке герцога...! Он не успел закончить фразу, поскольку я схватила его за руку и вывернула. На площади снова раздались звуки криков, и я встала на

него, когда он пытался подняться. Мурашки пробежали по моей коже от ощущения сдавленного тела.— Ааааа!! Ты, простолюдинка!— Давай, скажи ему. Я устала на упавшего мужчину сквозь вуаль и указала в сторону центра города, который всё ещё был освещён.— Беги туда и кричи: "Меня избила простолюдинка, женщина герцога".Простолюдинка, женщина. Даже если люди и придут, они увидят только меня в траурной одежде.— Тогда какую картину это нарисует в их головах?Пьяница упал и закричал, после того как попытался флиртовать с проходившей женщиной, а затем побежал создавать сцену. Вот так и будет. Поскольку фестиваль продолжался, охранники, скорее всего, будут на моей стороне, так как пьяный человек явно вызывал у них раздражение. В этот момент мужчина широко раскрыл глаза, осознав, в какой ситуации оказался. Лицо, прежде красное от алкоголя, стремительно побледнело, и его слова стали более четкими.— О... я... мне просто было любопытно. Он изогнулся, пытаясь уйти, но безуспешно.Поскольку до этого момента я сильно топал, перенося вес на ноги.— Ку-Ку! Я... я сделаю вид, что не знаю. Не скажу Дюку Асторфу, что ты меня ударил. Остальным тоже. Так что отпусти меня прямо сейчас.— Сколько раз я должен тебе это повторять?Я горько улыбнулась, глядя на мужчину.— Меня больше не волнует герцог Асторф.* * *— Что ты собираешься делать?Корнелия покинула особняк, и Люсен посмотрел на остальных с искажённым выражением лица.— Вы все собираетесь позволить Корнелии покинуть столицу?Никто не ответил на его вопрос. Люсен не сдержался и пнул ящик рядом с собой. Ваза, которая украшала ящик, громко упала на пол. Люсен взъерошил волосы и закричал ещё громче.— Почему вы все такие спокойные?! До сих пор мы держали бабушку Хиби в заложниках, чтобы она закрыла рот! Как вы думаете, теперь она будет молчать? Чёрт возьми, если мы говорим, что сохраним память о её бабушке, то она должна следовать за нами. Не могу поверить, что она только что отвергла нас, используя свою простолюдинскую натуру в качестве оправдания!— Говорить, что бабушка Хиби была заложницей, это чересчур!Фериэль возразила, и Люсен поднял бровь с ухмылкой.— Разве это не правда, что мы взяли её в заложники, чтобы заставить замолчать Корнелию? И, честно говоря, Фериэль, разве ты не должна быть самой нетерпеливой? Если выяснится, что Корнелия — наш истинный гид, на кону окажешься ты. Ты хочешь потерять признание своей семьи?— ... Эт-то.Голова Фериэль опустилась, слёзы опять забрызгали её розовые глаза. Люсен уставился на неё и тяжело вздохнул.— И я тоже в опасности! Чёрт, мне удалось победить свою старшую сестру! Я присоединилась к воинам...! Я!Когда Люсен кричал, он тяжело дышал. Его обычно ухоженные голубые волосы были растрепаны, а черные глаза сверкали от гнева.— Корнелия может ничего не сказать. Почему ты так ненавидишь её? Что бы мы ни делали, она— Ха, ты действительно думаешь, что Корнелия ничего не скажет? Как глупо.Люсен грубо прервал протест Фериэль, впившись в неё взглядом. На его губах появилась ухмылка, словно он сомневался в её интеллекте.— Она потеряла своё положение героя и два года жила как нищенка. Сколько раз мы отклоняли её просьбы и игнорировали письма?Когда Корнелия впервые приехала в столицу, она продолжала писать Фериэль, Люсену и Леонифу. Это происходило не от злобы, а наоборот, была в этом безобидность.[Бабушка скучает по вам, ребята. Несмотря на свою занятость... Понимаю, что вы все заняты, но если у вас немного времени, приходите навестить бабушку. Я тоже скучаю по вам.]Сначала, потеряв своё положение как воин, Корнелия плакала от злости. Но постепенно она приспособилась к ситуации, сосредоточившись на болезни своей бабушки, которая теряла здоровье. И когда она отправляла письма, казалось, что все трудности остались позади.Трудно было поверить, что кто-то мог не заметить и простить, тем более — её.